

УДК 82.09

DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-3-151-162

Рецензия на книгу:
Белоусов А.Ф. Культура. Литература. Фольклор /
ред.-сост. Е.А. Белоусова.
М.: Новое литературное обозрение, 2023. 784 с.

Светлана. К. Мамонова

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, smamonova10@yandex.ru*

Дата поступления статьи: 27 января 2025 г.

Дата публикации: 26 сентября 2025 г.

Для цитирования: Мамонова С.К. [Рец.:] Белоусов А.Ф. Культура. Литература. Фольклор. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 784 с. // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2025. Т. 8. № 3. С. 151–162. DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-3-151-162

Book review:
Belousov A.F. Kul'tura. Literatura. Fol'klor
[Culture. Literature. Folklore],
Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023. 784 p.

Svetlana K. Mamonova

*Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, smamonova10@yandex.ru*

Received: January 27, 2025

Date of publication: September 26, 2025

For citation: Mamonova, S.K. (2025), [Book review]: “*Belousov A.F.* Kul'tura. Literatura. Fol'klor [Culture. Literature. Folklore], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2023. 784 p.”, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 8, no. 3, pp. 151–162, DOI: 10.28995/2658-5294-2025-8-3-151-162

© Мамонова С.К., 2025

В 2023 г. в издательстве «Новое литературное обозрение» вышел сборник работ А.Ф. Белоусова «Культура. Литература. Фольклор». Александр Федорович Белоусов (1946–2023) – один из виднейших специалистов в области современного городского фольклора, истории русской литературы и культуры. Исследовательская деятельность ученого была чрезвычайно многогранна: учась в Тартуском университете, Белоусов занимался изучением фольклора старообрядцев Причудья и Латгалии и в 1980 г. под руководством Ю.М. Лотмана защитил кандидатскую диссертацию на тему «Литературное наследие Древней Руси в народной словесности русских старожилов Прибалтики». Позже (в конце 80 – начале 90-х гг.) внимание исследователя сосредотачивается в области городского и школьного фольклора, что нашло отражение в таких публикациях, как «Городской фольклор» (1987), «Детский фольклор» (1989), «Жанры словесного текста. Анекдот» (1989), «Школьный фольклор и быт» (1992), «Русский школьный фольклор: от “вызываний” Пиковой дамы до семейных рассказов» (1998). Параллельно с этим ученый обращается к проблемам изучения русской литературы. Ему принадлежит множество интереснейших и новаторских статей о поэзии Пушкина, о “кладбищенской” теме в лирике русских поэтов, об истории образа сирени в русской литературе. Особую область научных интересов А. Ф. Белоусова составило творчество Леонида Ивановича Добычина. Леонид Добычин (1894–1936) – советский писатель-модернист, обвиненный в 1936 г. в формализме и после этого, предположительно, покончивший жизнь самоубийством. Творчество Добычина было забыто до 1989 г., когда многие его произведения были вновь переизданы. А.Ф. Белоусов вместе с В.С. Бахтиным одними из первых обратились к изучению наследия этого забытого писателя. Белоусову принадлежит подробный историко-культурный комментарий к единственному изданному Добычиным роману «Город Эн». Он также был автором предисловия и комментария к сборнику «Писатель Леонид Добычин: Воспоминания. Статьи. Письма» (1996). В качестве редактора ученый принимал участие в издании полного собрания сочинений Л.И. Добычина. Все перечисленное и многое другое составляло обширную область научных интересов А.Ф. Белоусова.

Отразить столь разносторонний исследовательский талант ученого в рамках одного сборника – задача довольно сложная, однако, как нам кажется, составители с ней справились. Сборник «Культура. Литература. Фольклор» имеет тематическую структуру и отражает важнейшие направления научной деятельности А.Ф. Белоусова. Книга состоит из трех больших разделов: «Фольклор и традиции народной культуры», «Культура повсед-

невности», «Проблемы русской литературы XIX–XX вв.». В конце сборника помещены интервью разных лет, а также наиболее полная библиография работ исследователя.

Открывают книгу работы по традиционной культуре старообрядческого населения Эстонии. В составе сборника были переизданы такие работы, как «Песни и сказки русского населения Эстонии», «“Колыбельная из Причудья”», «Из заметок о старообрядческой культуре: “Великое понятие нужды”», «О влиянии старинной письменности на мировоззрение русских старожилов Прибалтики», «Последние времена» и «“Старая вера”: историко-культурный текст русских старожилов Прибалтики». В этих статьях исследователь представляет старообрядческую культуру не только в аспекте книжных источников, что характерно для многих филологических работ, но и в аспекте этнографии, показывая, как церковное предание и фольклорные тексты влияют на жизнь старообрядцев и, наоборот, как различные нарративы конструируются на основе определенных бытовых факторов носителей традиции. Переиздание этих работ в составе сборника заполняет существующий пробел в области изучения духовной культуры эстонских старообрядцев.

Вторая часть первого раздела, озаглавленная «Городской фольклор XIX – первой половины XX в.», включает лекцию А.Ф. Белоусова о городском фольклоре, которая была издана небольшой брошюрой в 1987 г., статьи «Городской фольклор в романе Достоевского “Подросток”», «Летние Кузьминки в старом Брянске: “Проводы дремы”» и ряд работ, посвященных таким городским романсам, как «Чубаровцы» (“Двадцать лет жила я в провинции...”), «Как на кладбище Митрофаньевском», «Гибель “Буревестника”», а также песне о петербургском заводчике Путилове. Работы, помещенные в этой части сборника, содержат крайне интересные выводы, относящиеся к природе городского фольклора. Исследователь полагает, что говорение как процесс играло ведущую роль в формировании городского фольклора XIX–XX вв. Слухи и толки как первичный речевой жанр кристаллизовались во вторичный по отношению к ним жанр анекдота; в обстановке непосредственного общения внутри небольших групп, объединенных либо общностью занятий, либо сословной принадлежностью, рождаются и другие фольклорные жанры: стихотворные переделки, побывальщины, предания и легенды. В то же время на возникновение такого жанра городского фольклора, как романс, оказали большое влияние, с одной стороны, литература, а с другой – массовая культура.

Особую ценность представляют собой историко-культурные комментарии к городским романсам. Ученый прослеживает

связь их сюжетов с событиями криминальных хроник, на основе которых они возникали. Именно Белоусову принадлежит гипотеза о том, что подобные песни-хроники типологически являются последней стадией бытования песен исторических, поскольку «отражают историческое самосознание своих носителей, принадлежавших к разным слоям рабочего класса» (с. 168). Однако, как нам кажется, в тех статьях, которые вошли в сборник, эта мысль в явном виде эксплицирована довольно слабо. Хорошим концептуальным завершением для этой части первого раздела стала бы статья «От происхождения – к фольклору: Ленинградские песни-хроники 1920-х годов» [Белоусов 2012], но в состав сборника она не включена.

Третья часть представлена статьями о детском и школьном фольклоре, о современном анекдоте и садистских стишках. В этой области, как и в области городского фольклора, А.Ф. Белоусов был первопроходцем. Под «детским фольклором» он понимает «словесность детей и подростков – словом, всех тех, кто еще не достиг совершеннолетия, т. е. не стал взрослым» (с. 188). Среди исследователей нет единой точки зрения относительно включения «поэзии пестования» (колыбельных, потешек, прибауток, исполняемых взрослыми во время укачивания или игр) в состав детского фольклора. А.Ф. Белоусов разграничивает эти два явления на том основании, что детский фольклор – это тексты, созданные и исполняемые детьми, обслуживающие непосредственно сферу детского быта. «Поэзия пестования» в свою очередь предназначена для общения взрослого с ребенком и оказывается неразрывно связана со сферой семейного внеобрядового фольклора.

Исследователь дает довольно обстоятельную характеристику жанров детского фольклора. Все явления детского фольклора подразделяются автором на две основные области: область игрового и внеигрового фольклора. Это разделение основано на том, что, «подобно ритуалу, игра так или иначе выводит человека за пределы его обычного, повседневного существования» (с. 220). Детский игровой фольклор включает в себя собственно игры и «фольклор игрового текста» – различные тексты, которые непосредственно оформляют игровой процесс (это считалки, жеребьевки, формулы и приговоры). К области детского внеигрового фольклора относятся различные прозаические, стихотворные, а также малые жанры фольклора. Фольклорная проза представлена такими жанрами, как сказки, анекдоты, предания, легенды, страшилки, а «фольклорная поэзия» – балладами, причем как заимствованными у взрослых, так и переделанными из «взрослых» текстов. Малые жанры детского фольклора чрезвычайно разнообразны: это тексты, «регулирующие детское

общение» (прозвища, дразнилки, отговорки), тексты магической (заклички, приговоры) и дидактической направленности (загадки, задачи, небылицы-перевертыши).

А.Ф. Белоусову принадлежит открытие новой области фольклористических и культурологических исследований – это школьный фольклор и культура учебных заведений. Ученый и ряд его коллег показали, что фольклор школьников представляет собой сложное социокультурное явление, которое возникает в результате синтеза традиционного фольклора, литературы, а также различных «ритуальных» практик, возникающих в учебных заведениях. Итогом исследований в этом направлении стала публикация в 1998 г. сборника «Русский школьный фольклор: от “вызываний” Пиковой дамы до семейных рассказов». В его составе впервые были опубликованы девичьи рукописные рассказы, школьные фольклорные переделки стихотворений и песен, граффити, альбомы детских колоний. Предисловие к этому сборнику, написанное А.Ф. Белоусовым, вошло и в книгу «Культура. Литература. Фольклор».

Завершает последнюю часть первого раздела цикл статей о современном городском анекдоте. В первой из них речь идет о происхождении и истории анекдота как жанра, рассматриваются основные темы городских анекдотов XIX – конца XX в. Статьи «Анекдоты о Штирлице», «Анекдотический цикл о Крокодиле Гене и Чебурашке», «“Вовочка”» посвящены отдельным тематическим циклам современных анекдотов. В них рассматриваются характерные черты главных героев анекдотов, особенности сюжетов и композиции, а также прослеживаются типологические соответствия между жанрами народного анекдота (имеется в виду повествование с неожиданным завершением) и анекдота современного. Исследователь чрезвычайно интересно анализирует цикл анекдотов о Вовочке. В статье рассматривается лишь один вопрос: почему героя зовут именно Вовочка? Ученый приходит к выводу, что образ Вовочки крайне тесно связан с образом «материально-телесного низа»: наиболее частотные темы анекдотов про Вовочку – это секс, причем с намеками на инцест, отправление различных физиологических потребностей, нецензурная брань. В этом смысле Вовочка оказывается «антигероем», мифологическим трикстером, который пародирует и выворачивает все серьезное и официальное наизнанку.

По мнению Белоусова, именно эта особенность образа Вовочки обусловила выбор его имени. Вовочка – уменьшительно-ласкательная форма от имени Владимир, которое в русской культуре сосредотачивает в себе большое количество культурных смыслов. В первую очередь, это имя связано с образом киевского

князя Владимира. Его фигура оказывается крайне востребована в процессе формирования русской национальной культуры в послепетровскую эпоху. К образу крестителя Руси обращаются ведущие писатели эпохи от Феофана Прокоповича до М.М. Хераскова. В связи с этим имя Владимир становится популярным в среде русского дворянства XVIII в. Однако в начале XIX в. это имя встречается довольно редко, что привлекает внимание писателей-романтиков. С этого времени Владимир – типичное обозначение благородного героя-дворянина «отечественного происхождения» (с. 298). Имя Владимир закрепляется в русской литературе и культуре как имя специфически дворянское. Революция 1917 г. ускорила распространение имени Владимир в народной среде. Оно перестает принадлежать исключительно дворянской культуре и становится достоянием рабочих и крестьян. Популярность этого имени в 20-е гг. XX в. обычно принято связывать с культом Владимира Ильича Ленина, однако исследователь оспаривает это мнение и полагает, что «характерное имя прежних властителей сделалось самым ходовым среди тех, “кто был ничем”, а стал “все” – из “грязи” попал в “князи”» (с. 300). Таким образом, имя Владимир на протяжении всей своей истории связано с образом некоего культурного героя, а Вовочка в свою очередь оказывается его комической противоположностью, выворачивающим серьезный мир официальных условностей наизнанку.

Последние три статьи этого раздела посвящены «садиистским» стихам как особому жанру детского фольклора. Автор анализирует литературные источники подобного рода текстов и прослеживает, какие трансформации претерпели «садиистские» стихи литературного происхождения в устной среде. Так, известный садиистский стишок «Недолго мучилась старушка в высоковольтных проводах...» восходит к студенческой песне, которая в 50–60-е гг. была крайне популярна у студентов исторического и филологического факультетов МГУ. В ней речь идет о том, как пионер убивал людей ради получения денег. Среди его жертв была и старушка, о которой сказано следующее:

Недолго корчилась старушка
В злодейских, опытных руках!
Злодей же, находясь под мушкой,
Нуждался ооченно в деньгах (с. 322).

Эта песня, по мнению исследователя, представляет собой стилизацию под жестокий романс и отчасти пародирует этот жанр. Двустипшие о старушке также обладало пародийной направленностью, что способствовало его включению в молодежную смеховую

традицию. Гротескный характер этого образа вполне соответствует фантастике «садистских» стихов.

Второй раздел, озаглавленный как «Культура повседневности», также состоит из трех частей: «Русское масонство», «Подростки и культура учебных заведений», «Российская провинция». Статьи, помещенные в этом разделе, представляют интерес с методологической точки зрения, поскольку в них предпринимается попытка проанализировать, каким образом осмыслились в русской литературе и культуре фигуры «других» в широком смысле слова. Анализируемые исследователем фигуры масонов, институток, семинаристов, провинции и провинциалов в русской литературе и культуре осмыслились как «другие»/«чужие» в силу различных причин: масоны – из-за восприятия в русской традиционной картине мира любого неправославного вероучения как служения сатане и нечистой силе; институтки – из-за особенностей воспитания и образования, которые делали их крайне неприспособленными для жизни в обществе; семинаристы и дети дьячков и священников – из-за их маргинального положения в социуме; провинция – из-за ее включенности в оппозицию «центр – периферия», где периферия маркируется как нечто далекое, и поэтому плохое, непонятное и заброшенное.

В этом разделе обращает на себя внимание некая несоразмерность: на наш взгляд, не совсем понятно, почему раздел открывает именно статья о масонах, так как масонство в исследовательском наследии А.Ф. Белоусова – тема довольно второстепенная, если не сказать третьестепенная. В то же время наблюдаются некоторые повторы: в частности содержание статьи «Институтки» частично дублируется в статье об институтках в русской литературе; то же самое можно сказать и о статьях «Образ семинариста и его литературная история» и «Внук дьячка», поскольку в них обеих речь идет об образах детей священнослужителей в русской литературе. Очевидно, что это продиктовано желанием представить во всей полноте исследовательское наследие ученого, тем более что в этих областях он был первооткрывателем, однако у читателя подобное расположение материала создает ощущение некоторой однотипности, что, как нам показалось, мешает воспринимать столь новаторские и оригинальные работы.

Важное место в исследованиях А.Ф. Белоусова занимает феномен провинции в русской культуре. Его происхождение ученый связывает с обособлением столицы Российского государства, которое наиболее ярко проявилось в XIX в. и усугубилось в дальнейшем. В статье «Уездная глушь захолустья» ученый рассматривает различные топонимы (Пошехонье, Чухлома, Усть-Сысольск, Царевококшайск, Тетюши, Урюпинск), которые были

не просто географическими наименованиями, но на основе ряда коннотаций воспринимались в разные исторические периоды как обобщенные обозначения различных удаленных от столицы мест. Исследователь прослеживает, как на протяжении двух веков менялись топонимы, символизировавшие захолустье, однако при этом неизменным оставалось восприятие провинции «как чужого и чуждого мира, который по-прежнему вызывает лишь насмешку и пренебрежение» (с. 489).

В ту часть второго раздела, которая посвящена явлению провинции и провинциальности, также вошли статьи о творчестве малоизвестных поэтов Евгения Шешолина и Алексея Шадринова. Евгений Шешолин (1955–1990) – поэт и переводчик, родившийся в Латвии, но большую часть жизни проживший в Пскове. Его творчество мало известно широкому кругу читателей, что, по мнению Белоусова, объясняется «провинциальностью» поэта: он находился в стороне от основных центров литературной жизни – Москвы и Ленинграда. В статьях о творчестве Шешолина («Поэзия провинциальности», «Псковские вирши» Евгения Шешолина») исследователь подчеркивает одно важное качество его стихотворений: они принципиально несовременны. Поэт апеллирует к античности, к древнерусской культуре, к романтической традиции, избегая «столичного мейнстрима», причем как на формальном, так и на содержательном уровне. Белоусов видит в этом вызов, брошенный современности, и попытку поэта вернуться к классическому искусству прошлого. Отсюда становится понятно, почему провинция как противоположность столице играет в творчестве Шешолина такую важную роль.

Еще один поэт-провинциал, произведения которого привлекают внимание исследователя, – это Алексей Шадрин (1973–1992). Он, как и Шешолин, выбрал жизнь вдали от столиц: Шадрин родился и большую часть жизни провел в Белозерске – небольшом районном центре в Вологодской области. Теме провинции посвящено стихотворение Шадрина «Провинциалу», которое анализируется исследователем. Если для стихотворений Шешолина характерен идиллический образ провинции, то Шадрину эта тенденция чужда: он показывает читателю, что есть провинция и что значит быть провинциалом. В стихотворении Шадрина ведущим мотивом, с помощью которого создается образ провинции, – это мотив беззвучия. Белоусов обращает внимание на то, что Шадрин вместо «слишком образного» слова «тишина» использует более простое по своему строению слово «беззвучие», которое обозначает не просто тишину, а отсутствие всякого звука, отклика. Беззвучие, бесследное исчезновение, растворение во времени – вот что, по мнению поэта, определяет образ провинции.

Последний раздел сборника называется «Проблемы русской литературы XIX–XX вв.» и состоит из двух частей: «О поэзии» и «О Леониде Добычине». В первой части собраны статьи, посвященные довольно разнообразной проблематике: это и интерпретация стихотворения Пушкина «Зимний вечер» («Стихотворение А.С. Пушкина “Зимний вечер”»; «Возвращаясь к “Зимнему вечеру”: мифологический аспект стихотворения»), и история образа сирени в русской поэзии («Акклиматизация сирени в русской поэзии», «“Сирень моей весны”»), и «кладбищенская» поэзия («Из истории русской “кладбищенской” поэзии: стихотворение К. Случевского “На кладбище”», «Э. Багрицкий. Размышляя над отрывком поэмы “Смерть пионерки”», «“На польском кладбище”»). Все статьи отражают крайне разносторонний взгляд исследователя на топику, метрику, систему образов русской лирики, однако здесь встречается та же проблема, о которой мы уже говорили выше: ряд статей содержательно дублирует друг друга, вследствие чего у читателя создается впечатление, что он читает одну и ту же работу под разными названиями.

Во вторую часть этого раздела включены статьи о биографии и творчестве Леонида Добычина. В статьях «Студенческое дело Л. Добычина», «Л. Добычин в Петербурге-Петрограде (1913–1920 гг.)», «“Учитель словесности”: жизнь и творчество Л.Л. Долотского¹», «Траектория творчества писателя Л. Добычина: внешние силы и внутренние ресурсы», «Последние дни Леонида Добычина» на основании архивных документов исследователь реконструирует ряд подробностей жизненного пути писателя, которые ранее были неизвестны. Одна из основных проблем биографии Добычина – это его внезапное исчезновение в 1936 г. после выхода нескольких разгромных рецензий на роман «Город Эн». Существует версия, согласно которой писатель покончил жизнь самоубийством, однако документально это не доказано. Исследователь публикует ряд выдержек из донесений Секретно-политического отдела Управления НКВД по Ленинградской области, где речь идет о возможном самоубийстве Добычина и безуспешных попытках его розыска.

Другая часть статей о творчестве Добычина («“Прошло, оказалось, сто лет от рождения Гоголя”: Гоголь и его герои в “Городе Эн” Л. Добычина», «Достоевский и его герои в “Городе Эн”», «О рассказе Л. Добычина “Ерыгин”», «Она идет в рядах: Образ

¹ Л.Л. Долотский – учитель словесности Двинской гимназии, где учился Леонид Добычин. Карикатурный образ учителя, декламирующего стихотворения, подражающие традиции поздравительных гимнов XVIII в., изображен Л. Добычиным в романе «Город Эн».

начальницы в рассказе Леонида Добычина «Портрет», «Вскоре мы увиделись с Александрой Львовной...») посвящена поэтике его рассказов, повестей и романа «Город Эн».

Цель составителей сборника – отразить во всей полноте исследовательское наследие А.Ф. Белоусова – можно считать успешно достигнутой. Следует отметить, что в сборнике не хватило четко обозначенных и проговоренных принципов отбора и группировки материала. В ряде мест, о которых мы уже говорили, публикация статей, схожих по содержанию, кажется избыточной, в то время как некоторые важные работы исследователя, в том числе на иностранных языках, оказались за пределами сборника [Belousov 1996; Belousov, Lurie 2007; Белоусов 2012]. Вызывает вопрос и название книги: с одной стороны, оно довольно емкое и вполне отражает содержание сборника, но, с другой стороны, слово «фольклор» помещается в самый конец; это создает впечатление, что работы исследователя о традиционном и современном фольклоре окажутся где-то на периферии, в то время как они занимают большую часть книги. Кажется, что именно «фольклор» в заглавии должен стоять первым.

Последнее, что мы хотели бы отметить, – это оформление книги. Помимо собственно текстов научных статей, в сборнике представлены архивные фотографии А.Ф. Белоусова в разные периоды жизни, что позволяет познакомиться с ним не только как с ученым, но и как с человеком. Публикация текстов сопровождается двумя предисловиями: «От составителя» и «Первопроходец», написанное С.Ю. Неклюдовым – коллегой и другом А.Ф. Белоусова, вместе с которым они на протяжении многих лет проводили исследования, семинары и конференции, посвященные современному городскому фольклору. Итогом этих исследований становится публикация в 2003 г. сборника «Современный городской фольклор». В этих предисловиях большое внимание уделяется биографии ученого, что крайне важно, поскольку особенности его жизненного пути (его связь с Ригой, где он родился, преподавание в Таллинском педагогическом институте) во многом обусловили специфику его научных интересов.

В то же время нельзя не отметить несколько нюансов. Во-первых, в оглавлении допущена ошибка: после первого раздела следует сразу четвертый, что сбивает читателя с толку. Во-вторых, неясно, почему для некоторых статей указывается год и тип публикации (предисловие к сборнику, статья, лекция), а для некоторых – нет, хотя в предисловии от составителя это не оговорено. Однако это ни в коей мере не умаляет ценность настоящего издания.

Обобщая сказанное, стоит добавить, что статьи, вошедшие в сборник, крайне интересны как с точки зрения методологии, так

и с точки зрения материала, они ставят перед исследователями ряд новых сложных вопросов и оставляют большое поле для различных дискуссий. Однако в памяти коллег и учеников А.Ф. Белоусов навсегда останется первопроходцем – человеком, который открыл для российской фольклористики городской фольклор, современный анекдот и школьный фольклор.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РГГУ «Песенные традиции XX–XXI вв.: поэтические структуры, биографический дискурс и исторический нарратив» (конкурс «Студенческие проектные научные коллективы РГГУ»).

Acknowledgements

The publication was prepared within the framework of the research work of Russian State University for the Humanities “Song traditions of the 20th – 21st centuries: Poetic structures, biographical discourse and historical narrative” (competition “Student project research teams of the RSUH”).

Литература

- Белоусов 2012 – Белоусов А.Ф. От происшествия – к фольклору: ленинградские песни-хроники 1920-х годов // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. № 2 (36). С. 284–299.
- Belousov 1996 – *Belousov A.* The energy of confrontation: A history of Russian sadistic poems // Contemporary folklore: Changing world view and tradition / ed. by M. Kõiva. Tartu: Estonian Literary Museum, 1996. P. 311–320.
- Belousov, Lurie 2007 – *Belousov A., Lurie M.* Youth humour in post-Soviet Russia // Post-socialist jokelore. International symposium. January 15–16, 2007. Tartu: Estonian Literary Museum, 2007. P. 9–11.

References

- Belousov, A.F. (1996), “The energy of confrontation: A history of Russian sadistic poems”, in Kõiva, M., ed., *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Contemporary folklore: Changing world view and tradition], Estonian Literary Museum, Tartu, Estonia, pp. 311–320.
- Belousov, A.F. and Lurie, M.L. (2007), “Youth humour in post-Soviet Russia”, in *Post-socialist jokelore. International symposium. January 15–16, 2007.* Estonian Literary Museum, Tartu, Estonia, pp. 9–11.

Belousov, A.F. (2012), "From incident to folklore: Leningrad song chronicles of the 1920s", *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, vol. 36, no. 2, pp. 284–299.

Информация об авторе

Светлана К. Мамонова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6; smamonova10@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0000-9260-8846

Information about the author

Svetlana K. Mamonova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; smamonova10@yandex.ru

ORCID ID: 0009-0000-9260-8846